

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 12–17.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 4 (73). P. 12–17.*

Научная статья
УДК 94(470)16/18"
doi: 10.54398/1818510X_2022_4_12

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПРОТИВОБОРСТВЕ РОССИИ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНТЕКСТЕ АНТИРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Аннотация. На основе архивных материалов и научной литературы показано, что первая четверть XVIII в. – поворотная веха в истории народов края. Расширяющийся кризис шахского Ирана и османской Порты, активный выход Российского государства на арену военных действий подняли проблему о месте Северного Кавказа на новый уровень в ряду значительных вопросов долгосрочной военной политики освещаемого периода. Оказавшись независимой причиной разногласий по отношению к шахской Персии и султанской Турции, северокавказский край, благодаря ведущим ключевым положениям, привлёк к себе интерес ведущих западных стран, таких как Британия и Франция. Европейские державы, также осуществляя политический курс «восточного барьера», обострили конфронтацию шахской Персии и османской Порты с Российской империей в крае, чтобы ставить препоны успешному движению Российского государства к Каспийскому и Чёрному морям, прорыву Петербурга на Ближний и Средний Восток. Также показано, что Российское государство решительно защищало свои интересы в регионе, что было теснейшим образом подтверждено с потребностью обеспечения безопасности страны на южных пределах. Это дало бы перспективу вести всю торговлю с восточными странами через территорию России.

Ключевые слова: Российское государство, Османская империя, Порта, Персия, Северный Кавказ, Каспийское море, Прикаспий, Запад, внешняя политика, народы

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона».

Для цитирования: Кидирниязов Д. С. Северный Кавказ в противоборстве России с Османской империей в контексте антиросийской политики западноевропейских держав в первой четверти XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 12–17. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_12.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE NORTH CAUCASUS IN THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF THE ANTI-RUSSIAN POLICY
OF THE WESTERN EUROPEAN POWERS IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY**

Daniyal S. Kidirniyazov

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Abstract. Based on archival materials and scientific literature, the article considers that the first quarter of the XVIII century is a turning point in the history of the peoples of the region. The expanding crisis of the Shah's Iran and the Ottoman Porte, the active entry of the Russian state into the arena of military operations raised the issue on the agenda about the place of the North Caucasus in a number of significant issues of long-term military policy of the period covered. Having turned out to be an independent cause of disagreement in relation to the Shah's Persia and Sultan's Turkey, the North Caucasus region, thanks to the leading key provisions, attracted the interest of the Western leading countries - Britain and France. The European powers, also implementing the policy of the "eastern barrier", escalated the confrontation of the Shah's Persia and the Ottoman Porte with the Russian Empire in the region in order to put obstacles to the successful movement of the Russian state to the Caspian and Black Seas, the breakthrough of St. Petersburg to the Near and Middle East. It is also shown that the Russian state resolutely defended its interests in the region, which was most closely confirmed with the need to ensure the country's security on the southern borders. This would give the prospect of conducting all trade with Eastern countries through the territory of Russia.

Keywords: Russian state, Ottoman Empire, Porta, Persia, North Caucasus, Caspian Sea, Caspian region, West, foreign policy, peoples

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Foundation for Basic Research within the frameworks of scientific project no. 20-09-42023 "Peter the Great in the historical destiny of the Caucasus-Caspian region".

For citation: Kidirniyazov D. S. The North Caucasus in the confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the context of the anti-Russian policy of the Western European powers in the first quarter of the XVIII century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 4 (72), pp. 12–17. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Цель статьи – на основе архивных материалов и специальной исторической литературы показать значение и роль Северного Кавказа в геополитике Российской империи и султанской Турции, соперничавших за преобладание в регионе, в контексте антиросийской политики западных держав.

Рассматриваемая проблема является актуальной в контексте сложившейся современной международной обстановки. Западные государства открыто проводят антиросийскую политику, вводят всевозможные санкции против России, стремятся ослабить её позиции в бассейне Чёрного и Каспийского морей. Кавказский регион, как и в далёком прошлом, в силу своего важного стратегического положения, представляет для Запада особый интерес. Для того чтобы лучше понять реалии сложившейся обстановки в мире, особенности современных международных отношений, необходимо обратиться к историческому прошлому, к тем далеким событиям, происходившим на Кавказе. К тому же достоверное знание прошлого позволит избежать ошибок при выстраивании отношений с Западом.

Тема давно стала объектом научных изысканий отечественных и зарубежных исследователей. Но остались так называемые «белые пятна», и автор ставит задачу рассмотреть Северный Кавказ в геополитике Российской империи и султанской Турции в контексте антиросийской политики западноевропейских держав в первой четверти XVIII в.

Основная часть

На народы Северного Кавказа в рассматриваемое время в наибольшей мере воздействовали сложные международные отношения. На рубеже XVII–XVIII вв., в преддверии входа в открытое столкновение за проход к Чёрному, Каспийскому и Балтийскому морям, Российское государство стало ключевым участником мировых событий.

Следует отметить, что ситуация в Кавказском регионе стала привлекать интерес британских и французских дипломатических служб. В концепции «баланса сил» османская Порта воспринималась как панацея.

Во время русско-шведской войны (1700–1721 гг.) Россия пристально наблюдала за ходом событий, происходящих в Персии. Как известно, в это время Иран испытывал тяжелейшую экономическую и политическую стагнацию [13, с. 72].

Следует отметить, что с начала XVIII в. ведущее место в политике России занял Восточный Кавказ, в особенности Дагестан. В 20-х гг. XVIII в. возникла реальная угроза захвата кавказских владений шаха османами в связи с экономическим и политическим упадком Персии [7, с. 105]. Однако Каспийская кампания 1722–1723 гг. не достигла запланированных размеров. Тем не менее, военные события дали возможность России объективно отвести кавказскому краю значимое место в противоборстве с османами [1, с. 113]. Поэтому с появлением восточного дела, превратившегося в концепцию российских властей, возникла проблема о принятии кавказского региона в состав Российского государства. Международные итоги военной экспедиции как для Петербурга, так и для кавказского края в целом реальны: они создали защиту южных рубежей Российского государства, способствовали активизации народно-повстанческой войны местного населения.

Растущая заинтересованность населения Западного Прикаспия в развитии отношений с Россией увеличивала шанс достижения положительных результатов в переговорах Петербурга с Портой и шахской Персией.

Исторический процесс характеризует противостояние западных держав за господство на морях и в колониях. Внешняя политика ведущих европейских стран, проводившаяся для успеха этой цели, носила макиавеллистический характер. При этом секретная внешнеполитическая деятельность играла большую роль.

Следует отметить, что для поддержания баланса Европы затевались не только войны, но и создавались различные союзы, особенно в первой четверти XVIII в.

Влияние Британии обуславливалось не только бурным развитием промышленности, но и разнообразием методов политической борьбы, которую она всегда вела в Евразии.

Проектировавшийся императором Петром I новый поход на Южный Кавказ не был осуществлён из-за недоброжелательного отношения шведского правительства, особенно обострившегося после проведения Персидской кампании Петра Великого, которая так и не достигла своей цели. В начале октября 1723 г. Британия, прусский король и датское правительство заключили оборонительный союз. Тем не менее, помешать дружественному соглашению между Россией и Швецией у последних не получилось. В конце февраля 1724 г. Петербург и Стокгольм вступили в оборонное соглашение на двенадцать лет [1, с. 83].

При поддержке Швеции и вовлечения в коалицию ведущих европейских государств Россия рассчитывала достичь на Западе надёжного внешнеполитического влияния. Рекомендации об инкорпорировании к шведско-российскому соглашению были проведены правительствами Пруссии, Австрии и Франции [13, с. 147].

Англия осуществила адекватные шаги. В письме к королю Пруссии британский король признал российско-шведскую коалицию как «весьма великую опасность» для Британии и Пруссии [12, с. 215].

Необходимо указать, что австро-российское объединение 1726 г. для восточной политики Петербурга играло отрицательную роль. Напротив, в британской политике «равновесия сил» оно имело положительное значение. Франко-российское сближение первой половины 20-х гг. XVIII в. в полной мере разрушило австро-российскую коалицию; российско-османские отношения, несколько сглаженные соглашениями 1720 и 1724 гг., опять были ухудшены до настоящей опасности военных действий [19, с. 58].

Противостояние между англичанами и французами, на европейской арене внешне исчезнувшее из поля зрения после подписания Утрехтского мирного трактата 1713 г., в данный отрезок времени неприкрыто проявлялось в Порте. В этом случае французы добивались налаживания и укрепления мирных отношений среди турок и иранцев для отрыва в полной мере султанских поперек Вены [12, с. 86].

Англичане, равным образом, были заинтересованы во всеобщей мобилизации османских войск для ведения боевых действий против Российской империи. Таким образом, Лондон по-прежнему надеялся подорвать роль России на Балтике [14, с. 148].

Тем временем, российское правительство, вступив в дружественные отношения с австрийскими властями, отступил по своему усмотрению с курса внешнеполитического взаимодействия, взятого при Петре Великом, и продолжило развитие политической стратегии «равновесия сил». Для этого Петербург начал налаживать отношения с Пруссией. В августе 1726 г. было заключено прусско-российское оборонительное соглашение на восемнадцать лет. Многовекторная российская внешняя политика снижала эффективность интриг британской дипломатии [10, с. 226].

Враждебное отношение Британии к растущему могуществу России стало очевидно уже в ходе Северной войны. Выход к Балтике был завоёван Россией вопреки активному английскому противодействию.

Следует отметить, что и султанская Порта в XVIII в. Больше была не в состоянии в полном объёме реализовать свои поползновения на Чёрном, Каспийском морях и Северном Кавказе. Османы продолжали держаться политики угроз по отношению к России, расширяя завоевательную политику в отношении Кавказа.

В исследуемый период существенно возросли экспансионистские настроения в турецких верхах. Это было вызвано как стремлением самого Стамбула компенсировать былые неудачи на Балканах и под Азовом, так и ролью Порты в дипломатических играх ведущих европейских держав, воспринимавшей её всё больше в роли «важнейшей базы антирусских операций» [2, с. 118].

После поражений в войнах с Австрией и Россией в 1680–1690-х гг. турецкое влияние на Кавказе существенно упало. Стремительное ослабление Сефевидской Персии заставило его шахов заниматься исключительно внутренними проблемами. Благодаря этим обстоятельствам народы Восточного Кавказа рубеж XVII–XVIII вв. встретили сравнительно спокойно, что благоприятно сказалось на укреплении их разнообразных связей с Россией [2, с. 79].

Однако Турция оставалась мощной военно-феодальной державой, и пришедшая к власти вместе с султаном Ахмедом III (1703–1730 гг.) группа знати видела в России едва ли важнейшего соперника. С целью нейтрализации угроз, вызванных потерей Азова, при новом султани на берегу Керченского пролива была воздвигнута крепость Еникале, т. е. «новая крепость». Северокавказский регион был важен для султанской Турции как возможный плацдарм для наступательной политики против России и Персии [19, с. 167].

По традиции турки решили использовать на северокавказском направлении крымские силы. С этой целью по приказу Ахмеда III летом 1703 г. Порта отрядила отряды в Кабарду во главе с калгой Гази-Гиреем [11, с. 145].

В ответ ряд кабардинских владетелей завязала отношения с азовским губернатором Ф. Апраксиным, желая заключить с Россией военный союз против турецкого султана [16, л. 437].

В 1708 г. около 700 ногайских ополченцев участвовали в совместном с чеченцами восстании. Возвращавшемуся из Турции каракалпакскому мурзе Мурату Кучуковичу удалось вовлечь их в неудачное нападение на Терский городок. После пленения Мурата, Пётр приказал калмыцкому хану Аюку покарать чеченских и ногайских повстанцев [14, с. 213].

Пётр I вовсе не желал усиления турок за счёт Персии, объективно видя в этом угрозу русскому влиянию на Кавказе. Вначале император пытался действовать традиционными методами «политики ласкания». Ещё в 1700 г. даёт указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения» с Дагестаном [7, с. 257].

Упрочение османской Порты в Прикаспии грозило не просто подорвать положение Петербурга, но и обеспечивало настоящую опасность практически её собственным юго-восточным рубежам, в частности, Астрахани. Однако Россия нашла возможность направить десяти тысячный корпус в Предкавказье, продемонстрировав тем самым свою мощь [5, с. 141].

Вместе с войсками в июле 1711 г. в Дагестан и Кабарду был направлен находившийся на русской службе князь А. Бекович-Черкасский [18, с. 117].

По пути следования А. Бекович-Черкасский посетил калмыцкого правителя Аюки и вёл с ним переговоры на тему возможного участия его дружин в военных действиях против кубанцев [16, л. 2–3].

На рост пророссийских симпатий на юге красноречиво указывает тот факт, что летом 1711 г. представители местных народов вместе с русскими войсками участвовали в военной экспедиции на Кубань против крымцев [9, с. 4–5].

В августе 1711 г. сводный отряд северокавказских сторонников России во главе с князем А. Бекович-Черкасским вступил в бой на Кубани с 15 тыс. войском крымского царевича Нурадина. Битва закончилась успехом для северокавказцев.

Однако Османская империя и Крымское ханство продолжали вести в регионе подрывную деятельность, направленную на разобщение его народов и недопущение развития их взаимоотношений с Россией. Так, осенью 1712 г. кабардинские послы в посольском приказе сообщали о попытках крымского хана привлечь дагестанских владетелей Султан-Махмуда Аксаевского, Адиль-Гирея Тарковского и «других тамошних» кумыкских князей к походу на Кабарду [8, с. 25].

В 1715–1716 гг. более полугодом тщательно собирал информацию о Кавказе А. П. Волынский. В своих отчётах он, в частности, советовал правительству принять кумыков в российское подданство [13, с. 225].

В 1718 г. тарковский шамхал был принят в подданство России. Вслед за шамхалом с просьбой о желании принятия в подданство России в 1719 г. обратились многие дагестанские владения и чеченские общества [4, с. 183].

В этот же период за помощью к российскому правительству обратились и кабардинские князья. Адыгские владетели просили защитить их от частных набегов крымцев и закубанцев.

Однако весной 1720 г. сорокатысячное войско крымцев во главе с ханом Саадет-Гиреем смогло вторгнуться в Кабарду.

Кабардинцы направили призыв о помощи к российским властям. Естественно, что крымское вторжение насторожило Петербург. Несмотря на войну со Швецией, российское правительство решило поддержать адыгов и одновременно оградить собственные интересы на Центральном Кавказе. Необходимо подчеркнуть, что эти решительные действия Петербурга укрепили положение сторонников пророссийской ориентации в регионе [9, с. 114].

В начале января 1721 г. царь Пётр I вручил адыгскому посланнику С. Салтаналееву грамоту. В ней государь обещал незамедлительно построить русскую крепость на территории Кабарды.

Весной 1721 г. правитель Крымского ханства Саадет-Гирей III двинулся в северокавказский край, вглубь территории кабардинцев. Следует отметить, что к войску крымцев присоединились отряды ногайцев, чеченцев и других «горских жителей», а также все кумыкские владетели. В результате этой военной экспедиции крымцы угнали с собой «в трёх кабаках» скот.

В следующем столкновении с неприятелем на р. Нальчик кабардинское войско под командованием князя А. Кайтукина одержало победу над крымцами. Осенью 1722 г. крымцы полностью покинули северокавказский регион. Необходимо отметить, что кабардинцы вынуждены были выплатить хану Саадет-Гирею III ясырей. Поход крымских татар нанёс большой урон экономике населения Кабарды [9, с. 116–117].

Между тем, прибыв весной 1721 г. на Терек, астраханский губернатор А. Волынский принял от кабардинских князей присягу на верность России. Кабардинский князь А. Кайтукин стал старшим князем Большой Кабарды. Довольный результатом миссии, А. Волынский докладывал царю, что вся Кабарда «ныне видится под рукой Вашего величества» [16, л. 667].

Имперские власти не могли реализовать свои заверения о поддержке кабардинцев в военных действиях против Крымского ханства. Необходимо отметить, что Франция союзница Англии, поддерживавшая британцев в борьбе с испанцами, в Стамбуле заняла противоположную позицию. Посол Франции де Бонак мирил османов с русскими. Дело в том, что в Париже возобладала тенденция заключения с Россией союза против Австрии. Французский посол де Бонак в 1724 г. способствовал подписанию «вечного мира» между Россией и османской Портой, с успехом препятствуя антироссийской деятельности британского дипломата Стэнъяна. В предписании Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору А. Волынскому указывалось, что он приказал донским казакам, что если кабардинские князья организуют против «крымцев или кубанцев поход, то б они *(казаки)*. – Прим. авт.) с ними туда не ходили, дабы не подать туркам причины к нарушению имеющихся между Россией и Портой мирных трактатов» [7, с. 45].

Необходимо указать, что хотя Петербург не собирался оказывать военную помощь кабардинцам, но вместе с тем по указанию российского правительства астраханский губернатор В. П. Волынский и терский комендант В. И. Заозёрский должны были внимательно следить за ходом событий [13, с. 126].

Следует отметить, что с начала 20-х гг. XVIII в. ведущее место в кавказской политике российского правительства занял Восточный Кавказ, в особенности Дагестан. Снижение интереса к Кабарде выразилось и в результате российско-османского трактата 1722 г. определил эти территории под властью крымского хана.

После того, как крымские войска покинули пределы Кабарды, А. П. Волынский направил донских и терских казаков походом в район Аграханского полуострова в Дагестане и р. Аксай против сторонников Крыма среди кумыков, ногайцев и соседних с ними вайнахов [19, с. 118].

Несмотря на действия эндиревских князей, тревоживших русские границы, прочие кумыкские князья пытались наладить добрососедские отношения с Россией. В феврале 1722 г. народное собрание, включавшее в свой состав кумыкских князей и узденей, а также представителей соседних с ними ногайцев и чеченцев вновь обратилось в Петербург с изъяснением готовности нести службу «царскому величеству» и пожеланием снабдить их жалованьем. По поручению Петербурга астраханский губернатор вступает в переговоры с владетелями Засулакской Кумыкии.

Необходимо подчеркнуть, что в этот период международная ситуация на Восточном Кавказе сильно обострилась. Новый курс Петербурга определялся тем, что к этому времени резко изменилась обстановка в шахском Иране. Развивавшийся с начала XVIII в. острый внутренний кризис в Персии привёл страну на грань катастрофы. Последствия кризиса сказывались не только в самой Персии, но и в подвластных областях, в том числе и в Дагестане [21, с. 126].

Следует отметить, что на протяжении более 60 лет шахскую политику на Восточном Кавказе осуществлял правитель Дербента, назначаемый специальным указом шаха и подчинявшийся его наместнику в Шемахе – ширванскому беглербеку. Между тем в регионе вновь с огромной силой вспыхнули антишахские выступления. Руководителями движения стали Хаджи-Давуд Мюшкорский, и Сурхай-хан Казикумухский. Объединённые силы мятежников (дагестанцев и ширванцев) в середине 1720 г. заняли Худат и Шабран. В конце лета того же года повстанцы приблизились к Шемахе, но взять город им не удалось [3, л. 4].

Восставшие оказались в состоянии не только вернуть, но и сохранить за собой немало населённых пунктов и организовать здесь свои управленческие органы. К этому времени иранские воинские формирования и шахские власти из последних сил удерживали города Баку, Шемаха, Дербент. Вся остальная территория Ширвана уже контролировалась повстанцами Хаджи-Давуда [16, л. 667 об.].

Необходимо подчеркнуть, что кризисом в Персии поспешила воспользоваться и султанская Турция. Османская Порта, внешне соблюдая благонамеренное расположение к шахской Персии и Российскому государству, стремилась применить в своих целях дагестанских правителей – Хаджи-Давуда и Сурхай-хана [16, л. 5].

Один из влиятельных дагестанских владетелей тарковский шамхал Адиль-Гирей, вступив в подданство России и оказывая ценные услуги российскому правительству, периодически просил утверждения его власти над мусульманским населением Терского городка. Однако Петербург отказал тарковскому шамхалу в его просьбе, ограничившись согласием оказывать ему необходимую военную помощь Адиль-Гирею в случае нападения на его владение неприятелей [1, с. 135].

Летом 1721 г. ширванские мятежники обложили г. Шемаха. В начале августа их предводитель Хаджи-Давуд со своими отрядами занял старинный город. Следует отметить, что взятие города продемонстрировало завершение 200-летнего владычества персов в регионе. Контроль над городом целиком отошёл к участникам восстания во главе с вышеназванным Хаджи-Давудом. При захвате Шемахи мятежниками было убито около 300 русских подданных, в основном купцов и ограблено их имущества на 400 тыс. туманов [10, с. 117].

Тем временем, осенью 1721 г., Хаджи-Давуд и Сурхай-хан начали стремиться к непосредственной поддержке Стамбула. Это выяснилось в сообщении кабардинских князей. То же подтвердил в своём донесении русский посол в Турции И. Неплюев, который

сообщил, что турки втайне от иранского шаха ведут переговоры с Хаджи-Давудом и Сурхай-ханом о принятии в подданство Турции. Стамбул, жизненно важные интересы безопасности которого сконцентрировались теперь главным образом на Кавказе, всеми способами сдерживал разрешение этой проблемы и в следствии этого опасался прямо помогать антишахскому мятежу. На предъявленное российским послом И. Неплюевым весной 1722 г. обращение в Стамбул о жёстких мерах дагестанский владетель Хаджи-Давуд и Сурхай-хана с участниками выступлений в Шемахе султанский высокий сановник Ибрагим-паша дал ответ, что они «не будут» подерживать до той поры, пока Петербург не добьётся максимального удовлетворения [19, с. 190].

Необходимо указать, что сложившаяся международная ситуация, в которой оказалась Россия во время Северной войны со Швецией, заставлял Петербург действовать с осторожностью, чтобы не спровоцировать ещё одну войну на Юге. Россия, заявляя не раз о своём невмешательстве в кавказские дела и успокаивая турецкого султана, в то же время обнадёживала пророссийски настроенных северокавказских правителей обещаниями не оставлять их в беде с агрессивным Крымским ханством.

Между тем, в 20-х гг. XVIII в. возникла реальная угроза захвата кавказских владений шаха османами в связи с экономическим и политическим упадком Персии. Используя складывающуюся обстановку, османская Порта собралась «к себе присовокупить» кавказские территории. Несомненно, оживление агрессивного курса турок не могло не встревожить имперские власти [20, с. 127].

После завершения длительной Северной войны Петербург обратил внимание на южные рубежи империи. Основной задачей Персидского похода было стремление предотвратить овладение османами Южного Кавказа и Прикаспия. Пётр I также хотел превратить страну в посредника в торговле между Европой и Ближним и Средним Востоком [13, с. 122].

Перед началом Персидского похода турецкому послу в России было заявлено, что организовывается не для военных действий с Портой или Ираном, а для того, чтобы наказать заговорщиков, занявших Шемаху и для «получения достойной сатисфакции».

К весне 1722 г. был закончен сбор к Персидской кампании. В преддверии похода, 15 июля того же года было опубликовано обращение на «татарском, турецком и персидском языках» [10, с. 124].

В послании консулу в Персии С. Аврамову от 25 июня 1722 г. предписывалось уведомить персидский шахский двор о том, что русские войска вступили в Прикаспий не для ведения войны с иранцами [16, л. 115].

Для распространения манифеста в Дагестан и Азербайджан был направлен капитан А. Лопухин с 30-ю всадниками. Необходимо подчеркнуть, что обращение, за исключением Хаджи-Давуда и Сурхай-хана, было встречено радушно. Однако усилия андреевского князя Айдемира выступить против войск во главе бригадира Ветерани закончилась ужасно: его дворец был сожжён дотла.

27 июля 1722 г. российские войска высадились в Аграханском заливе. В начале августа Пётр I, оставив в Аграханском ретраншементе 300 солдат регулярного войска и 1 500 казаков, направился с войсками морем и сушей на юг. Следует отметить, что известие о начале похода российских войска вызвало сильную тревогу османского правительства.

Необходимо указать, что с началом похода российских войска в Прикаспий ведущую роль в кавказской политике Петербурга занял Дагестан. Интерес к Кабарде несколько ослаб. Прежде всего, это выразилось в признании российскими властями в 1722 г. того, что центральная часть Северного Кавказа находится в зоне влияния крымского хана. Между тем контакты Петербурга с адыгами продолжались. Тем более что отношения России с османами продолжали оставаться напряжёнными и могли в любой момент перерасти в очередную войну, в которой поддержка северокавказских народов была для России благоприятной. Между тем, в ходе похода российских войска в Прикаспий, приморская полоса до р. Милюкент за Дербентом была взята российской армией.

К концу августа 1722 г. российские войска дошли до р. Рубас. В Дербент к Петру I стали обращаться с просьбой о подданстве владетели Дагестана и Азербайджана. Так, например, к царю обратился за помощью Рустем-кади Табасаранский, пострадавший от Гаджи-Дауда и Сурхай-хана за отказ воевать с шахом. Подобные просьбы свидетельствуют о высоком уровне лояльности и доверия местных владетелей к российской власти [10, с. 46].

Несмотря на благоприятную военно-политическую обстановку в регионе, Пётр I был вынужден остановить дальнейшее движение юг. Сказывалась сложная обстановка с поставкой провианта и резервов, а приближающаяся осень ещё грозила и бурями на Каспии. Пётр I рассудительно согласился с мнением своих военачальников о необходимости остановиться вплоть до получения подкрепления. Тем не менее, Стамбул был крайне обеспокоен стремительным проникновением России на Восточный Кавказ. Не имея собственных ресурсов для немедленного его прототарращения, султан отдал приказ Хаджи-Давуду, чтобы «старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев». Посетивший русский лагерь османский резидент предупредил, что дальнейшее движение русских войска в Прикаспий будет рассматриваться Портой как повод для объявления войны России. Спустя время турецкие войска вступили на территорию Кавказа. Российский исследователь ХХ в. О. П. Маркова писала, что царь Пётр I «ушёл с Кавказа, избегая преждевременной войны с Портой» [14, с. 35]. Нам думается, причины возвращения Петра I в столицу были самыми различными. Естественно, что в первую очередь на решение императора повлияло то обстоятельство, что крайне сложно было управлять обширной империей с ещё слабо связанной с её центральными губерниями, далекой южной окраины. За несколько месяцев отсутствия императора в столице накопилось множество проблем внешне- и внутривнутриполитического характера. Между тем, российский император, назначив командующим русской армией на Кавказе генерала М. А. Матюшкина, к концу сентября 1722 г. с главными силами отправился в Астрахань, куда приплыл в начале октября [7, с. 146].

Личное участие в походе позволило Петру I реально оценить важнейшую стратегическую роль Кавказа для борьбы с Портой и поддержке экономических интересов растущего русского купечества в торговле с Востоком.

Персидская кампания 1722 г. была не в пример масштабнее прежних военных мероприятий на Северном Кавказе и стала отправной точкой для начала широкого наступления России в регион. По своей сути она представляла прежде всего попытку предотвращения захвата Прикаспия турецкой армией и, таким образом, представлял собой превентивно-оборонительную меру [3, л. 241 об.].

Одновременно западные державы и, в первую очередь, Англия и Франция стремились инспирировать новый конфликт Порты с Россией и, тем самым, отвлечь последнюю от европейских дел. Их резиденты в Стамбуле внушали султанскому окружению, что Петровский поход положил русской аннексии Кавказа.

Стремясь приблизить реальность к своей пропаганде, Стамбул и Бахчисарай интенсивно направляли на Восточный Кавказ эмиссаров, пытаясь, где подкупом, где угрозами, подчинить себе местных владетелей.

Одним из первых подданство османов в сентябре 1722 г. принял правитель Елису Али-Султан. К концу 1722 г. османский протекторат принял Хаджи-Давуд, получивший пышные титулы правителя Дагестана и Ширвана. В фирмане, направленном Хаджи-Давуду, перед ним ставились широкие задачи по вытеснению русских войска из прикаспийских областей и их последующему подчинению Стамбулу. Однако источником вдохновения для новых завоевательных планов являлось не только прошлое «Блистательной Порты», но и активное подстрекательство Лондона [3, л. 104 об.].

Великий визирь султана Ибрагим-паша Невшехири весной 1723 г. озвучил через русского резидента в Стамбуле российскому правительству крайне невыгодные предложения по разделу Кавказа на зоны контроля. Согласно его проекту за османами закреплялись все бывшие персидские провинции Южного Кавказа и часть Северного Кавказа, включая Дербент. России же уступались по его замыслу только кумыкские княжества Терско-Сулакского междуречья.

Естественно, предложение Ибрагима Невшехири встретило решительное противодействие со стороны российского правительства. Для отражения предполагаемого вторжения османских войска, российское командование действительно предприняло ответные меры. Были усилены воинские части, расквартированные в крае.

Между тем, проходившие в мае – августе 1723 г. в турецкой столице русско-османские переговоры закончились безрезультатно. В июне того же года турецкие войска заняли Тифлис. В ответ российская военная администрация в регионе предприняла и военные акции, укреплявшие её позиции в регионе. В июле 1723 г. Матюшкин высадился на Апшеронском полуострове и после четырёхдневной осады Баку без боя вошёл в город. Новость о взятии Баку обрадовала Петра I. Вскоре русские войска заняли и стратегически важное устье р. Куры, практически отрезав для турок все возможности к выходу к берегам Каспийского моря. Царь присвоил М. А. Матюшкину звание генерал-лейтенанта. Ситуация в регионе накалялась [7, с. 149].

Следует отметить, что угроза османских завоеваний на Южном Кавказе и в Южном Азербайджане и приграничных с османским Ираком персидских провинциях вынудила иранского шаха направить в российскую столицу своего посла Исмаил-бека. 12 сентября 1723 г. по инициативе шаха, обеспокоенного вторжением султанских войск в Грузию, между Россией и Ираном был заключён мирный договор. По условиям Петербургского трактата шахский Иран признавал за Россией прикаспийские области Кавказа [6, с. 187].

Вновь заключённый российско-иранский трактат состоит из пяти частей. Текст преамбулы повторял версию, озвученную в манифесте, оглашённом перед Каспийским походом [6, с. 187].

Согласно ст. I мирного договора, Петербург обещал наследнику шахского престола Тахмаспу III «добрую и постоянную дружбу» и обязался «сильным вспоможением всех бунтовщиков» умиротворить и помочь Тахмаспу III утвердиться «на Персидском престоле» [15, с. 110].

Статья II трактата гласит о передаче всего прикаспийского побережья с городами Баку и Дербентом от Персии России «от сего времени вечно в стороне е.и.в.». В ст. III оговаривались условия для свободного движения русских войск. Согласно IV и V статей договора, провозглашались «вечно добра дружба», и подданным обеих сторон разрешалось свободно «купечество свое исправить» [15, с. 111].

Присоединения новых провинций, российское правительство сопровождал интенсивным торгово-экономическим освоением региона. В частности, Пётр I проявлял заинтересованность в возможности развития в Западном Прикаспии хлопководства и шелководства для удовлетворения российской текстильной промышленности. Вызывали интерес российских властей и нефтяные богатства региона [3, л. 23, 153, 243].

Выгодные перспективы развития Балтийско-Волжско-Каспийского пути как альтернативы средиземноморскому были очевидны для Петербурга. Царский двор надеялся наполнить российскую казну, лишив Турцию роли основного транспорта узла для отправки персидского шёлка в Европу [11, с. 85].

Необходимо указать, что имперская администрация активно поощряла приезды восточных торговцев в Россию и создавала для них наиболее благоприятные условия.

Между тем Порты потребовала от Хаджи-Дауда, чтобы тот «всеми мерами» пытался вытеснить российский гарнизон из Дербента и «из прочих тамошних краёв», а вскоре и османские войска вторглись на Кавказ. В связи с этим генералу М. А. Матюшкину было дано поручение российских властей из Петербурга принять срочные меры для защиты Дербента [3, л. 11].

Казавшуюся неизбежной войну удалось предотвратить благодаря искусности российских дипломатов, убедивших султанское правительство признать в российской стороне равноправных партнёров. Понимая всю сложность дальнейшего продвижения на Восток и борьбы за «персидское наследство», османы предпочли пойти на уступки по имя безопасности на своих северных границах. В итоге, 12 июня 1724 г. между Портой и Россией был заключён Стамбульский трактат о разделении бывших персидских владений на Кавказе на Петербургский мирный договор и занятие Россией прикаспийских провинций Персии не оставили стамбульскому двору иного выбора, как признать сложившийся статус-кво.

Необходимо указать, что ряд статей Стамбульского трактата, принятых османами по предложению французского дипломата де Бонака, были изложены так, что любая сторона могла при желании трактовать их в свою пользу. Согласно договору 1724 г., за Россией закреплялись не только ранее переданные ей Персией Прикаспийские области Дагестана и Азербайджана, но также часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхай-хана. Каждая из сторон попыталась укрепить свои позиции в регионе. Россия для этого активно укрепляла уже существовавшие крепости и возводила новые. Так, к 1724 г. было завершено строительство крепости Святой Крест, куда были переведены гарнизон и жители Терков. У крепости Святой Крест поселились после упразднения Терков также и представители местных народов [17, с. 368].

Между тем, тарковский шамхал, недовольный отказами российских властей в удовлетворении его различных прошений, неоднократно насильями российских военных над его подданными, а больше всего возведением укрепления Святой Крест, развернул активную военно-дипломатическую деятельность по организации антироссийского союза из числа дагестанских владетелей. Несмотря на все предпринятые им усилия, сформировать такой союз шамхалу не удалось.

Следует пояснить, что в первой половине 20-х гг. XVIII в. ряд северокавказских правителей занимали пророссийскую ориентацию. Разумеется, не все местные владетели придерживались лояльной политики по отношению к России и не были готовы принять её подданство. Некоторые из правителей, такие как кайтагский уцмий Ахмед-хан, шамхал Адиль-Герей и кабардинский князь Аслан-бек Кайтукин, периодически меняли внешнеполитическую ориентацию, ища в соседних державах поддержку собственным амбициям и мало заботясь о возможных последствиях для собственных подданных [14, с. 94].

Выводы.

В результате рассмотренного материала можно отметить, что в указанный отрезок времени Петербург исходил из того, что в случае подчинения территории Восточного Кавказа, принадлежавшего ранее Персии, Портой, Россия от Каспийского до Чёрного моря фактически будет граничить с Турцией, благодаря этому потеряет выход одновременно к двум южным морям. Поэтому усилия имперских властей были направлены на недопущение перехода прикаспийских земель к Порте. Это создавало серьёзную угрозу южным российским границам.

Материалы показывают, что, несмотря на подстрекательскую политику западноевропейских держав, и, в первую очередь, Англии, удалось избежать военного конфликта с Портой и получить прикаспийские персидские провинции без войны с шахом благодаря таланту Петровской дипломатии.

Конструктивная политика России в регионе во многом способствовала усилению российского влияния среди местных народов, к росту их пророссийской ориентации и переходу отдельных владетелей в российскую подданство.

Список литературы

1. Абдусаламов, М.-П. Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. / М.-П. Б. Абдусаламов. – Москва : Парнас, 2017. – 264 с.
2. Алиев, Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XV – XIX вв.) / Ф. М. Алиев. – Баку : ЭЛМ, 1985. – Ч. 1. – 173 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 5.
4. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. : в 3 ч. / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург : Петерб. АН, 1869. – Ч. 1. – 548 с.
5. Гаджиев, В. Г. Роль России в истории Дагестана / В. Г. Гаджиев. – Москва : Наука, 1965. – 391 с.
6. Договоры России с Востоком политические и торговые / сост. и изд. Т. Юзефович. – Санкт-Петербург : Тип. О. И. Бакета, 1868. – 296 с.
7. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.) : сб. архивных док-в / [сост. Е. И. Иноземцева, Ш. А. Магарамов, Н. Д. Чекулаев]. – Махачкала : МаараевЪ, 2020. – 376 с.
8. Идрисов, Ю. М. Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством / Ю. М. Идрисов // Крымское историческое обозрение. – 2015. – № 1. – С. 22–29.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : док-ты и мат-лы : в 2 т. – Москва : АН СССР, 1957. – Т. 2. – 424 с.
10. Кидирниязов, Д. С. Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. / Д. С. Кидирниязов, З. К. Мусаурова. – Махачкала : Народы Дагестана, 2003. – 248 с.
11. Курукин, И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.) / И. В. Курукин. – Москва : Квадрига: Объединённая редакция МВД России, 2010. – 381 с.
12. Лысцов, В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. / В. П. Лысцов. – Москва : Московский ун-т, 1951. – 247 с.
13. Магомаев, В. Х. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. / В. Х. Магомаев, Д. С. Кидирниязов. – Грозный : АН ЧР, 2017. – 400 с.

14. Маркова, О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. / О. П. Маркова. – Москва : Наука, 1966. – 323 с.
15. Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 по 1825 г. Собр. 1. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 7. – 922 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 9. – Отд. I. – Д. 54.
17. Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – Москва : Наука, 1979. – 392 с.
18. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / сост. Р. Г. Маршаев. – Махачкала : Дагкиноиздат, 1958. – 336 с.
19. Смирнов, Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. / Н. А. Смирнов. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – 244 с.
20. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – Москва : Голос, 1993. – Кн. 9, т. 17–18. – Москва : Голос; Колокол-Пресс, 1998. – 708 с.
21. Халаев, З. А. Восточное Закавказье накануне и в период Персидского похода Петра Великого / З. А. Халаев // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12 (80). – С. 125–128. doi: 10.24158/fik.2020.12.21.

References

1. Abdusalomov, M.-P. B. *Kumytskie gosudarstvennye obrazovaniya v strategicheskikh planakh Rossii na Severnom Kavkaze v XVII – pervoy chetverti XVIII v.* [Kumyk state formations in Russia's strategic plans in the North Caucasus in the XVII – first quarter of the XVIII century]. Moscow: Parnas; 2017, 264 p.
2. Aliev, F. M. *Azerbaydzhan-russkie otnosheniya (XV–XIX vv.)* [Azerbaijani-Russian relations (XV–XIX)]. Baku: ELM; 1985, part 1, 173 p.
3. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Found 89, inventory 1, case 5.
4. Butkov, P. G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Peterb. AS; 1869, 548 p.
5. Gadzhiev, V. G. *Rol Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka; 1965, 391 p.
6. *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovye* [Political and trade treaties of Russia with the East]. St. Petersburg: Tip. O. I. Baketa, 1868, 296 p.
7. *Zapadnyy Prikaspiy v sostave Rossiyskoy imperii (1722–1735 gg.)* [The Western Caspian region as part of the Russian Empire (1722–1735)]. Mahachkala: Mavraev; 2020, 376 p.
8. Idrisov, Yu. M. *Kratkiy obzor istorii politicheskikh vzaimootnosheniy feodalnykh vladeteley Severo-Vostochnogo Kavkaza s Krymskim khanstvom* [A brief overview of the history of political relations between the feudal lords of the North-Eastern Caucasus and the Crimean Khanate]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2015, no. 1, pp. 22–29.
9. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries]. Moscow: AS SSSR, 1957, 424 p.
10. Kidirniyazov, D. S., Musaurova, Z. K. *Ocherki istorii nogaytsev XV–XVIII vv.* [Essays on the history of the Nogais of the XV–XVIII centuries]. Makhachkala: Narody Dagestana; 2003, 248 p.
11. Kuruin, I. V. *Persidskiy pokhod Petra Velikogo. Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735 gg.)* [The Persian campaign of Peter the Great. The grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)]. Moscow: Kvadriga: Obedinnennaya redaktsiya MVD Rossii; 2010, 381 p.
12. Lystsov, V. P. *Persidskiy pokhod Petra I. 1722–1723 gg.* [The Persian campaign of Peter I. 1722–1723]. Moscow: Moscow University; 1951, 247 p.
13. Magomaev, V. H., Kidirniyazov, D. S. *Nogaytsy v severokavkazskom istoricheskom protsesse v XVI – nachale XX v.* [Nogais in the North Caucasian historical process in the XVI – early XX century]. Grozny: AS ChR; 2017, 400 p.
14. Markova, O. P. *Rossiya, Zakavkaze i mezhdunarodnye otnosheniya v XVIII v.* [Russia, Transcaucasia and international relations in the XVIII century]. Moscow: Nauka; 1966, 323 p.
15. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii c 1649 po 1825 gg.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649 to 1825]. Sbr. 1. St. Petersburg: Tip. II Otd. Ego Imperat. Velichstva Kantselyarii; 1830, vol. 7, 922 p.
16. *The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)*. Found 9, inventory I, case 54.
17. *Rossiya, Polsha i Prichernomore v XV–XVIII vv.* [Russia, Poland and the Black Sea region in the XV–XVIII centuries]. Moscow: Nauka; 1979, 392 p.
18. *Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII vv.: (Dokumenty i materialy)* [Russian-Dagestan relations of the XVII – first quarter of the XVIII centuries: (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagknigoizdat; 1958, 336 p.
19. Smirnov, N. A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv.* [Russia's policy in the Caucasus in the XVI–XIX centuries]. Moscow: Sotsekgiz; 1958, 244 p.
20. Solovev, S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [The history of Russia since ancient times]. Moscow: Golos; 1993, book 9, vol. 17–18, 708 p.
21. Khalaev, Z. A. *Vostochnoe Zakavkaze nakanune i v period Persidskogo pohoda Petra Velikogo* [Eastern Transcaucasia on the eve and during the Persian campaign of Peter the Great]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture]. 2020, no. 12 (80), pp. 125–128. doi: 10.24158/fik.2020.12.21.

Информация об авторе

Кидирниязов Д. С. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Kidirniyazov D. S. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 21.09.2022; accepted for publication 30.09.2022.